

УДК 2+1
ББК 87.21+86.2

СПЕЦИФИКА ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОГО ФАКТОРА И ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

А.С. Разин

Религия и этнос – важнейшие компоненты социальных отношений. Актуальная проблема нашего исследования – изучение взаимодействия взаимопроникновения этноса и религии, анализ роли этих сложных общественных образований в формировании этноконфессиональных отношений.

Ключевые слова: этноконфессиональный фактор, этноконфессиональные отношения, этнос, религия, конфессия, идентификация, исламский фактор.

Проблема взаимоотношения национального и религиозного в современной философии актуальна не только в свете геополитических изменений, но и благодаря так называемому «идентификационному буму» [20, р. 53–55], который характеризует состояние сознания людей на постсоветском пространстве.

Понятие «религиозное» относится к индивидам и общностям, в том числе и этническим, характеризующимся наличием религиозного сознания, выступающим субъектами религиозной деятельности и религиозных отношений. При этом следует иметь в виду, что современное религиоведение различает понятия «религиозная и нерелигиозная деятельность» и «религиозные и нерелигиозные отношения» применительно к религиозным субъектам.

Религиозная деятельность – внекультовая и культовая – это деятельность религиозных индивидов, групп, институтов и организаций, которая выражается в разработке вероучения и в его пропаганде, в подготовке кадров духовенства, в различных формах культовых актов. Подобного рода деятельность, как правило, не выступает компонентом внешних

религиозных (то есть межрелигиозных) отношений; в качестве такового выступает преимущественно нерелигиозная деятельность религиозных субъектов – политическая, экономическая. Нерелигиозная деятельность зачастую приобретает религиозную окраску («религиозная политика», «исламская экономика») или интерпретацию, но по своему объективному содержанию она – собственно внерелигиозная деятельность. Аналогичным образом обстоит дело и с религиозными отношениями.

Рассмотрение вопроса о связи религии и этноса требует разработки концептуального научного аппарата, и прежде всего таких понятий, как «конфессия», «конфессиональная специфика», «этническая специфика».

По мнению родоначальника этноконфессиональной проблематики А.Н. Ипатова, конфессией (*от лат. confessio* «признание, исповедание») можно считать вероисповедное направление, возникшее в той или иной религиозной системе в ходе социально-исторического развития общества, специфически сочетающее в себе вероучительные, культовые и организационно-структурные особенности этой системы [9, с. 22]. Таким является христианство, которое отличается чрезвычайной многоконфессиональностью (католицизм, православие, лютеранство, англиканство, кальвинизм, меннонитство, баптизм). Многие из этих

церквей носят этнически выраженный характер, приобретенный ими в результате длительного этноконфессионального взаимодействия [6, с. 128].

На этой основе в сознании людей происходит отождествление конфессиональной и национальной принадлежности, которое находит выражение в виде дихотомных схем типа «поляк-католик», «русский-православный». Для «конфессии» характерны достаточно высокие уровни самосознания, организации и институализации с единым центром догматики.

В этом плане интересны исследования современного канадского ученого-этнографа М. Бушара [5]. Анализируя письменные памятники средневековой Руси, в частности «Псалтырь», «Повесть временных лет», «Слово о законе и благодати» митрополита Иллариона, М. Бушар приходит к следующим выводам:

- русская нация обязана своим образованием не столько государству, как полагает большинство исследователей, сколько православию;
- древнейшие письменные религиозные памятники, особенно Псалтырь, ясно показывают, что истоки русской нации лежат в православной вере.

Именно православие явилось формирующим и объединяющим фактором, послужившим превращению населения Киевской Руси в единый русский народ. На ранних стадиях развития русской нации именно единая православная вера стала той парадигмой, что лежала в основе национального самосознания.

Русская нация действительно плод тысячелетней истории. Крещение Руси в 988 году может рассматриваться как отправная точка формального отсчета становления русской нации. Здесь и следует искать истоки русского национального самосознания и русского этноса.

Этнические и конфессиональные общности представляют собой общности культурно-специфические. При этом они не равнозначны ни содержательно, ни хронологически. Этнические различия, как и традиционные различия в религиях, по мысли американского антрополога Роджера Брубакера (R. Brubaker), универсальны для человечества в исторический период его существования [18, р. 31–37].

Этногенетичными были давно исчезнувшие религии. Изучение таких религий Древнего Востока и античного мира, как египетская, вавилонская, сирийская, греческая и др., обнаруживает у них тесную связь конфессиональной специфики с этнической спецификой народов, использовавших эти религии. Например, только участием в жертвоприношениях и процессиях, соблюдением предписаний относительно приема пищи и омовений можно было доказать свою принадлежность к определенной религии [19, р. 220–222].

Связь этнической специфики с конфессиональной проявлялась и в том, что принадлежность индивида к определенной религии выступала в качестве его этнической принадлежности. Результаты взаимодействия религии и специфики того или иного этноса были по существу этноконфессиональными. Социальная зрелость этноса (завершение формирования некоторой общности или группы как этнической) характеризуется созданием собственной религиозно-ценностной системы.

Говоря о связи религии с этносом, необходимо отметить, что религия играет в одно и то же время этноразделительную и этноинтегрирующую роль, выступая в отдельных случаях в качестве силы, консолидирующей этнические общности. В подобных ситуациях религия, благодаря тесной связи с подвижными элементами психологии масс, укрепляла сцепляющие связи внутри этноса и тем самым противодействовала ассимиляции его с завоевателями. Самым ярким примером может служить история еврейского народа, который благодаря иудаизму не растворился, находясь в диаспоре около двух тысячелетий [4, с. 37–41].

Основные тенденции формирования социальных связей между религией и этносом проявляются в сфере взаимодействия конфессиональной и этнической специфики.

Первая тенденция – это «конфессионализация» этнических явлений и свойств, при которой ряд особенностей культуры и быта в течение длительного взаимодействия впитываются культом, становятся его составными элементами. Исключительное значение религии в создании и укреплении этнической общности подчеркивал еще в начале XX века французский философ и социолог Эмиль Дюркгейм. Он отмечал, что религия освящает фундамен-

тальные социальные связи общества, что придает социальным группам целостность. То, что священно, живет не столько в официальных законах, сколько в душе и совести живого человека [7, с. 113].

По мнению В.И. Корнева, «религия не только придает специфику социокультурному пространству, но и формирует психологию сообщества данного пространства, иначе говоря, именно религия создает психосоциокультурное пространство-время, которое способно вместить многие народы и этносы» [10, с. 33].

Вторая тенденция – это «этнизация» конфессиональных явлений и отдельных компонентов культового комплекса (особенно его ритуалов, религиозных обычаев и традиций) через проникновение его в национальные формы общественной жизни посредством слияния с народными верованиями, которые этногенетичны. Конфессиональные явления приобретают характер этнических явлений, этнически окрашиваются. Следует заметить, что конфессия «этнизируется» лишь если ее представители проживают компактно, религиозные отличия проникают глубоко в быт, а вероучение, если оно было воспринято («прозелетично»), наследуется уже минимум в нескольких поколениях [21].

Необходимо отметить, что в мировых религиях отсутствует признание наций, основанных на этническом принципе (например, ислам признает лишь «умму», то есть сообщество правоверных, а для христианства «нет ни эллина, ни иудея» [12, с. 4]).

По мнению Л.Н. Митрохина, в конкретной национальной культуре религия не просто оболочка, или «внешний идеологический пласт», а «особая наука жизни», которая глубоко укоренена в хозяйственной деятельности людей, пронизывая их мироощущение [13, с. 23].

Резюмируя все вышесказанное, приходим к выводу, что этноконфессиональные отношения представляют собой, с одной стороны, форму отношений верующих к гипотезированным существам, свойствам, связям (прежде всего к Богу), с другой – форму отношений верующих друг с другом как в рамках своей общины и конфессии, так и вне их. В рамках последнего вида отношений

представители разных религий все чаще входят в сферу внерелигиозных взаимодействий, они активно обсуждают вопросы войны и мира, экономики, социальную проблематику. Вовлеченность религиозных субъектов в область данных отношений объективно не может быть отнесена к сфере религиозных отношений, хотя субъективно в эти отношения может вкладываться и вкладывается определенный религиозный смысл.

Следует особо подчеркнуть, что слияние этнической и религиозной принадлежности не означает их тождества или нераздельности. Эти понятия фактически неотожждествимы, так как большинство важнейших признаков и характерных черт этноса неприменимо к общности религиозной. В действительности, как полагает британский социолог М.Ф. Бендл (M.F. Bendle), мы имеем дело не с идентификацией как таковой, а с подменой ею связи, имеющей место между конфессиональной и этнической принадлежностью, которая (связь) и объясняет, почему, например, «поляк-католик» отличает себя от «литовца-католика», «русский-православный» – от «болгарина-православного», «узбек-мусульманин» – от «казаха-мусульманина», «белорус-католик» – от «белоруса-православного», и т. д. В свою очередь, сама эта связь, поскольку она исторически преходяща, опровергает всякое отождествление вероисповедания и национальности [17, р. 17].

Верующие, составляющие ту или иную общность (приход, конфессия и т. д.), вне стен церкви представляют собой уже не только (и не столько, учитывая реальное состояние религиозности, ее глубины, знания верующими россиянами вероучительных основ и т. п.) собственно верующих, членов того или иного религиозного сообщества. В миру они – прежде всего труженики, «хозяйствующие субъекты», озабоченные разнообразными земными проблемами – хозяйственными, социальными, политическими. Наряду с этим они представляют собой различные этносоциальные общности, вступающие в определенные отношения друг с другом.

В каждой из подобных общностей сложились свои социальные структуры, по-разному протекали этнообразующие процессы. Все они имеют и сходные черты, поскольку

при их складывании имело место непосредственное воздействие конкретных конфессий на институциональные формы данных образований и социальное поведение этнофоров (членов этнических сообществ), с одной стороны, и наоборот: этнообразующие процессы накладывали свои особенности на указанные конфессии [2, с. 59–61]. Учитывая это, правомерно квалифицировать этноконфессиональную общность как особый тип социальной общности людей с религиозно оформленным жизненным укладом, этническое самосознание которых выступает как религиозное, принимающее в конкретных социально-исторических условиях функции этнического определителя.

Вся совокупность представленных выше отношений может фиксироваться в понятии «религиозно-конфессиональные отношения», предложенном Ю.П. Зуевым и Н.В. Трусеневой [8, с. 155], так как данное «синтетическое» определение наиболее полно раскрывает сущность этих сложных социальных отношений.

Наряду с отмеченным строгим различием межрелигиозных и межконфессиональных отношений, в отечественном религиоведении, в частности, в социологии религии и этносоциологии религии, сложилась и расширительная трактовка последнего вида отношений (межконфессиональных), когда данный вид взаимодействий включаются отношения не только между представителями конфессий и конфессиональными организациями, но и между представителями различных религий и их организациями (см. напр.: [1; 3; 16]). Соответственно, когда мы употребляем понятие «этноконфессиональные отношения», то имеем в виду сложное взаимодействие между этническими общностями, их институтами и этнофорами, с одной стороны, и последователями разных религий и существующих в их рамках конфессий, а также субъектами этих религий и конфессий (религиозными группами, органами управления религиозных объединений, служителями церквей и религиозных объединений на их низовом, базовом уровне) – с другой.

Этноконфессиональные отношения – сложный и активно воздействующий на общественную жизнь современной России фе-

номен. Анализ этого феномена позволяет установить конкретную роль религиозного фактора и его функций в многонациональном российском социуме (прежде всего – функцию этнонациональной интеграции и дезинтеграции), выявить взаимосвязи между этнонациональным и религиозным сознанием россиян, между их этнокультурными и религиозными ценностями.

Термины «религиозный фактор», «этнический фактор» в последние годы становятся все более употребительными в общественных науках, в частности в религиоведении, политологии, этнологии, социологии, постепенно обретая качества и статус научных понятий, характеризующих определенные общественные явления. Однако в большинстве публикаций эти понятия употребляются пока без четкого определения, что порождает их многозначность и затрудняет применение в качестве инструмента научного познания.

Латинское слово *factor* (в современном переводе – «делающий», «производящий») изначально имело совершенно конкретное, приложимое к человеку содержание. Применительно к религии речь может идти как о факторах, влияющих на состояние, изменение, развитие самой религии и составляющих ее элементов (факторы эволюции религии, религиозного сознания, факторы стабильности или изменения религиозной ситуации, межконфессиональных отношений и т. п.), так и о тех ситуациях и процессах в обществе, стране, регионе, относительно которых сама религия или ее составляющие, конкретные проявления выступают факторами их состояния и динамики (религия как фактор духовного состояния общества, как фактор стабильности или обострения межнациональных отношений и т. д.). Именно в последнем случае правомерно употребление понятия «религиозный фактор», так как здесь прослеживается внешнее воздействие, оказываемое религией.

Относительно целостное определение исследуемого понятия предложил А.А. Нуруллаев: «Религиозный фактор есть специфическое обозначение функционирования религии и ее институтов в системе социальных, экономических, политических, национальных

и других отношений; все, что относится к религии и ее институтам как субъекту деятельности в разных сферах общественной жизни» [14, с. 100]. По его мнению, в пост-тоталитарный период, в условиях формирования демократического гражданского общества действует тенденция усиления влияния религиозного фактора на различные стороны жизни.

В приведенном определении существенно то, что в качестве религиозного фактора берется не религия сама по себе, а ее функционирование, и что религиозные институты рассматриваются в качестве субъектов деятельности. Из этого следует, что если религия как социальное явление потенциально всегда является фактором общественной жизни, то превращение ее в реальный фактор различных общественных процессов и общественной жизни в целом происходит путем осуществления религией ее социальных функций, через целенаправленную деятельность религиозных институтов. А поскольку религиозные институты и организации всегда имеют конфессиональную определенность, то религиозный фактор в большинстве случаев предстает в виде конфессионального фактора.

Наиболее полному и всестороннему исследованию в качестве конфессионального фактора в отечественной науке подвергнут исламский фактор. В трудах исламоведов, востоковедов, политологов, в исследованиях по международным отношениям этот термин утвердился с 60–70-х годов XX века, отмеченных арабо-израильским конфликтом, нарастанием национально-освободительной борьбы и процессами модернизации во многих странах исламского мира. Отечественный исламовед Г.В. Милославский усматривает специфическую особенность «исламского фактора» в политике в том, что он может проявляться одновременно как в группе элементов внешней политики, обусловленных внутренней сущностью государства, так и среди факторов влияния внешней среды [11, с. 127].

Будучи подсистемой общества, религия, многообразными связями переплетающаяся с другими компонентами общественной системы, в той или иной мере всегда является реальным фактором конкретных обществен-

ных процессов, где реализуется выполняемыми социальными функциями.

В современном обществе этнические группы в условиях возрастания роли религиозного фактора с неизбежностью превращаются в этноконфессиональные группы, громко заявляют о себе. Поэтому для социально-философской мысли актуальным становится исследование природы, сущности понятия «этноконфессиональный фактор».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдулагатов, З. Российские православные и мусульмане: общие проблемы – разные взгляды / З. Абдулагатов // Социс. – 2004. – № 2. – С. 153–154.
2. Амелин, В. В. Этноконфессиональные отношения в оценках и представлениях массового сознания оренбуржцев / В. В. Амелин // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2002. – Т. V, № 4. – С. 59–85.
3. Андреева, Л. А. Православие, протестантизм и стратегия устойчивого развития России в начале XXI в. / Л. А. Андреева, В. В. Ряховский // Общественные науки и современность. – 2004. – № 3. – С. 143–153.
4. Бат-Йеор. Зимми. Евреи и христиане под властью ислама. В 2 т. Т. 1 / Бат-Йеор. – М. ; Иерусалим, 1991. – С. 23–45.
5. Бушар, М. Православие как идеологическая основа становления русской нации / М. Бушар // Этнографическое обозрение. – 2002. – № 4. – С. 139–146.
6. Достоян, И. С. Православная церковь и складывание сербской нации / И. С. Достоян, А. В. Карасев // Роль религии в формировании южнославянских наций / под ред. И. В. Чуркиной. – М. : Эдиториал УРСС, 1999. – С. 138–142.
7. Дюркгейм, Э. Социология религии и теория познания / Э. Дюркгейм // Религия и общество. – М. : Аспект Пресс, 1996. – С. 113–115.
8. Зуев, Ю. П. Религиозно-конфессиональные отношения в современной России / Ю. П. Зуев, Н. В. Трусенева // Государственно-церковные отношения в России : сб. ст. В 2 т. Т. 1. – М. : РАГС, 1995. – С. 155–162.
9. Ипатов, А. Н. Православие и русская культура / А. Н. Ипатов. – М. : Сов. Россия, 1985. – 128 с.
10. Корнев, В. И. Феномен религии / В. И. Корнев // Азия и Африка сегодня. – 1994. – № 1. – С. 33–39.
11. Милославский, Г. В. Интеграционные процессы в мусульманском мире / Г. В. Милославский. – М. : Наука, 1991. – 189 с.

12. Мирский, Г. Этнос, религия, национализм / Г. Мирский // Азия и Африка сегодня. – 1994. – № 2. – С. 3–11.

13. Митрохин, Л. Н. Философия религии: новые перспективы / Л. Н. Митрохин // Вопросы философии. – 2003. – № 8. – С. 18–37.

14. Нуруллаев, А. А. Религиозный фактор в национальных процессах / А. А. Нуруллаев // Государственно-церковные отношения в России : сб. ст. В 2 ч. Ч. 1. – М. : РАГС, 1994. – С. 99–127.

15. Султангалиев, А. А. Религия и этнические общности / А. А. Султангалиев. – Уфа : БГУ, 1997. – 103 с.

16. Цеханская, К. В. Россия: тенденция православной религиозности в XX в. / К. В. Цеханская // Этнографическое обозрение. – 1999. – № 5. – С. 59–70.

17. Bendle, M. F. The crisis of 'identity' in high modernity / M. F. Bendle // Brit. J. of sociology. – L., 2002. – № 1. – P. 1–18.

18. Brubaker, R. Ethnicity as cognition / R. Brubaker, M. Loveman, P. Stamatov // Theory a. society. – 2004. – № 33. – P. 31–64.

19. Firth, R. Religion in social reality / R. Firth // Elements of social organization. – L. : Watts & Co., 1951. – P. 215–250.

20. Marody, M. On functions of religion in molding the national identity of poles / M. Marody, S. Mandes // Intern. J. of sociology. – Annonk, 2005. – 2006. – № 4. – P. 49–68.

21. Schnee, W. Nationalism: A review of the literature / W. Schnee // J. of polit. a. milit. sociology. – New Brunswick, 2001. – № 1. – P. 1–18.

ETHNOCONFESSIONAL FACTOR SPECIFICS AND ETHNOCONFESSIONAL RELATIONS DEVELOPMENT

A.S. Razin

Religion and ethnos are the main components of social relations. The actual problem of the presented research is the interaction of ethnos and religion interpenetration, and the analysis of these complex social formations in ethnoconfessional relations.

Key words: *ethnoconfessional factor, ethnoconfessional relations, ethnos, religion, confession, identification, Islamic factor.*